

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТАТЬИ. ОТВЕТ ЕВГЕНИЮ ПАСТЕРНАКУ

НИКОЛАЙ ХАРДЖИЕВ

В начале сентября 1932 г., в связи с выходом сборника стихотворений Б. Пастернака *Второе рождение*, редакционная коллегия «Литературной Газеты» предложила В. Тренину и мне написать статью об эволюции поэта (размером не более печатного листа). Статью решено было напечатать со следующим примечанием от редакции:

Статья представляет интерес, как попытка авторов разобраться в основных линиях поэтической техники Б. Пастернака. Статья далеко не исчерпывает поставленного вопроса, особенно в первой части работы, где недостаточно определяются социологические корни становления поэта.

Напечатание статьи несколько раз откладывалось, а в конце октября была сделана попытка вернуть ее авторам. Это вызвало протест со стороны члена редакционной коллегии Э. Багрицкого и В. Шкловского, через которых статья и была заказана «Литературной Газеты». Привожу отрывок из письма Шкловского в редакцию:

... Статью предполагалось напечатать вместе с другими, поэтому она не пытается исчерпать все вопросы... Статья ставит заново вопросы ритмики Пастернака и решает вопросы о системе пастернаковских образов.

Статья ввиду своих газетных размеров недостаточно

вскрывает связь Пастернака с Игорем Северянином.

Если бы в редакции «Литературной Газеты» было бы литературно квалифицированное руководство, то эта превосходно задуманная статья, далеко превосходящая по своему уровню все остальные статьи по стижу, когда-либо напечатанные в газете, была бы освобождена от нераскрытой терминологичности и явилась бы первой в советской литературе статьей о Пастернаке.

Для того, чтобы вскрыть социальную природу творчества Пастернака, понять его эволюцию, нужно прежде всего раскрыть литературную сущность явления.

Э. Багрицкий также послал в редакцию письменный отзыв, после чего статья была сдана в набор. Однако, вместо ожидаемых гранок, 7 декабря в «Литературной Газете» появилась статья о Пастернаке А. Селивановского. Об этом мне письменно сообщил мой соавтор (я находился в Ленинграде). В его письме приводится такой диалог в редакции «Литературной Газеты»:

- Что вы можете сказать о нашей статье?
- ... Мы ее показывали автору и он настроен против.
- Какому автору?
- То есть не автору, а Пастернаку. Мы показали ему три статьи: вашу, Селивановского и Тарасенкова.

Комментируя этот разговор и отношение Пастернака, В. Тренин сделал следующий вполне правильный вывод: “Значит, мы попали в цель”. Не подлежало сомнению, что нашим критическим “гороскопом” Пастернак, уже вступивший в период поэтической канонизации, был как-то задет.

Злоключения статьи имели неожиданный финал. Редакция «Литературной Газеты» известила нас о предложении поэта посетить его для “окончательного разговора”. Борис Леонидович был чрезвычайно любезен, назвал молодых стиховедов “великими знатоками” и с очаровавшей нас прямоотой просил статьи не печатать. Он сказал, что “сейчас нужна самая примитивная панегирическая статья”.

* * *

Впервые статья *О Борисе Пастернаке* (с моей вступительной заметкой) была опубликована в 1976 году в сборнике *Boris Pasternak. Edited by Nils Ake Nilsson*, изданном в Стокгольме. Через 44 года после нашей беседы с Б. Л. Пастернаком. А в 1981 году, в «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома на 1979», в примечании к письму Б. Л. Пастернака (от 10 ноября 1932 г.) к Г. Сорокину публикаторы (Е. Б. и Е. В. Пастернак и А. Лавров) выступили с многословными критическими замечаниями о моем кратком предисловии.

С азартом, достойным менее абсурдного применения, публикаторы доказывают, что мнение Пастернака “не могло иметь значения при выборе того, что печатала или не печатала «Литературная Газета»”.

С этим, разумеется, нельзя не согласиться: как известно, Пастернак никогда не входил в состав редакционной коллегии «Литературной Газеты».

Но в данном случае отрицать значение его мнения бессмысленно. Пастернак пригласил Тренина и меня, чтобы откровенно высказать свое мнение.

В ответ на полемическое примечание я послал Е. Пастернаку письмо, в котором дана исчерпывающая информация о казусе с неопубликованной в свое время статьей о творческом пути поэта.

Привожу текст моего письма:

Евгений Борисович, бегло ознакомившись с публикацией писем Б. Л. Пастернака к Г. Сорокину, я послал свои замечания А. Лаврову. Сейчас, получив ежегодник Пушкинского дома, я прочел публикацию более внимательно и поэтому могу с предельной ясностью высказаться о Ваших бестактно-полемических выпадах.

Прежде всего я должен повторить то, о чем уже писал Лаврову: ваш комментарий (на с. 208) следует отнести к жанру полемики с вымышленным противником.

В моей заметке нет ни слова о том, что “Пастернак отдал предпочтение статье Селивановского”. Это “совершенно нереальное сообщение” сочинено тремя публикаторами.

В моей заметке вопрос о “тактике” редакции «Литературной Газеты» сознательно игнорирован. Но историю неопубликованной в свое время статьи я, разумеется, должен был изложить.

Повторяю: мы получили предложение написать статью в сентябре 1932 г.

Впоследствии выяснилось, что одновременно были заказаны статьи о Пастернаке Селивановскому и Тарасенкову. По-видимому, редакция предполагала напечатать три дискуссионных статьи (в связи с выходом *Второго рождения*).

Разговор В. Тренина с редакцией «Литературной Газеты» состоялся 11 декабря 1932 г.,¹ т.е. после напечатания статьи Селивановского (5 декабря) и в день появления второй, на сей раз положительной, оценки Тарасенкова² (обеих статей ни Тренин, ни я не читали).

Тренин явился в редакцию, чтобы просмотреть гранки нашей статьи, но вместо этого выслушал чрезвычайно нелепые объяснения, свидетельствовавшие о желании избавиться от трехмесячных взаимоотношений с авторами “формалистической” статьи, столь далекой от ситуационной “этики” газетных критиканов.

Считая, однако, малоприличным прибегнуть к прямому отказу (ведь статья была написана “по предложению”) редакция «Литературной Газеты» санкционировала свой отказ голосом Б. Л. Пастернака.

Редакция сообщила, что Борис Леонидович изъявил желание побеседовать с нами о статье, с которой его ознакомили.

А нашей статьей один из самых любимых нами поэтов действительно был “задет”.

Хотя статья и не выходила за пределы научного анализа, она была полемична: предметная “ясность”, облегченный синтаксис, утрата интонационной напряжен-

¹ Письмо В. Тренина находится в моем архиве. Сохранилась и копия письма В. Шкловского в ред. *Литературной Газеты*.

² Знаменательно, что в полемическом примечании публикаторов сведения о панегирической статье Тарасенкова отсутствуют.

ности, появление “напевност” и даже возврат к традициям Фета-Полонского. С нашей точки зрения, автор *Сестры моей жизни*, так сказать, “съехал” с высшей точки своего поэтического развития. Нельзя не признать, что статья оказалась достаточно прозорливой: это подтвердилось всей дальнейшей эволюцией Пастернака.

Статья направлена против той “неслыханной простоты”, в которую “впал” Пастернак и которая столь обрадовала таких критиков, как Тарасенков и Карьерий Лицемерьевич Зелинский.

Статья Тарасенкова о *Втором рождении* открывала путь к литературной канонизации Пастернака.

Неслучайно, что в личной беседе Борис Леонидович просил нашей статьи, оказавшейся “не ко двору”, вообще не печатать (ведь ее можно было напечатать в другом издании). Как известно, при жизни поэта статья опубликована не была.

Вы же, Евгений Борисович, занимаетесь “семейной ангелизацией” большого поэта, в которой он абсолютно не нуждается.

Не могу не отметить, что “разоблачительные” выпады по поводу моей заметки выглядят особенно курьезно в комментарии к письму Пастернака (от 10 ноября того-же года), где он сообщает о “своей настоящей симпатии к умнице Селивановскому”.

У канонизаторов нередко отсутствует чувство юмора.

